

PHILOSOPHICAL SCIENCES

СОВЕТСКИЙ КОНСТРУКТИВИЗМ И СТРАТЕГИИ ЕГО ФИЛОСОФСКОЙ РЕЦЕПЦИИ

Большакова А.С.

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

SOVIET CONSTRUCTIVISM AND THE STRATEGIES OF ITS PHILOSOPHICAL RECEPTION

Bolshakova A.

Lev Tolstoy Tula State Pedagogical University

Аннотация

Конструктивизм изменил облик многих советских городов и отразился в истории как один из важнейших этапов становления современной архитектуры. Советский конструктивизм может рассматриваться как некое жизненное пространство, «жизненный мир», созданный в условиях модерна (модернистской парадигмы), это особый метод - метод проектирования, конструирования, метод сведения плюралистичности и хаотичности и к лаконичности и целостности, метод жизни. Теоретическое и практическое художественное разнообразие, расцвет архитектуры - тот след, которые оставили в истории мирового искусства русские конструктивисты, тот отпечаток, который можно увидеть по-новому сквозь призму философских идей. В статье предпринята попытка рассмотреть течение конструктивизма в архитектуре и изобразительном искусстве как представление (воплощение) сознания человека в надмирном, сверхприродном измерении, описываются идеи и произведения таких архитекторов-новаторов, как Моисей Гинзбург, Константин Мельников, братья Александр, Леонид и Виктор Веснины, Александр Никольский, Илья Голосов и др.; художников Владимира Татлина и Александра Родченко. Проблематика поиска устойчивости бытия посредством архитектурных конструкций видится *актуальной* и важной для понимания каждым человеком своего вечно ускользающего, беспрестанно дробящегося Я. Человек, будучи столкновением внешней разнородности и внутренней гетерогенности, лицом к лицу сталкивается с растворением, «расползанием» основ собственного бытия, вынужден определять (предпринимать попытки осознать), что вообще может сыграть роль так называемого бытийного основания, и может ли что-либо. Нам представляется возможным рассматривать конструктивизм как способ приблизиться посредством неравномерных, разноуровневых архитектурных форм к осознанию иллюзорности целостности своего Я и к конструированию структурной иерархии сознания.

Abstract

Constructivism changed the face of many Soviet cities and was reflected in history as one of the most important stages in the development of modern architecture. Soviet constructivism can be viewed as a kind of living space, a "living world", created in the conditions of modernity (modernist paradigm), this is a special method - a method of design, construction, a method of reducing pluralism and chaos to conciseness and integrity, a method of life. Theoretical and practical artistic diversity, the flourishing of architecture - the trace left in the history of world art by Russian constructivists, the imprint that can be seen in a new way through the prism of philosophical ideas. The article attempts to consider the course of constructivism in architecture and fine arts as a representation (embodiment) of human consciousness in a supernatural dimension, describes the ideas and works of such innovative architects as Moses Ginzburg, Konstantin Melnikov, brothers Alexander, Leonid and Victor Vesnin, Alexander Nikolsky, Ilya Golosov and others; artists Vladimir Tatlin and Alexander Rodchenko. The problem of finding the stability of being through architectural structures is seen as relevant and important for each person to understand his eternally elusive, constantly fragmenting Self. Man, being a clash of external heterogeneity and internal heterogeneity, faces dissolution, "spreading" of the foundations of his own being, is forced to determine (make attempts to realize) what in general can play the role of the so-called existential basis, and whether anything can. It seems possible for us to consider constructivism as a way to approach, through uneven, multi-level architectural forms, the realization of the illusory nature of the integrity of one's Self and the construction of the structural hierarchy of mind.

Ключевые слова: конструктивизм, архитектура, игра, модерн, сознание.

Keywords: constructivism, architecture, game, modernism, mind.

Конструктивизм как направление в искусстве

«...как будто у города нет «сегодня», а только «завтра» и «вчера»» [18], Владимир Маяковский, «Екатеринбург – Свердловск»

Конструктивизм — направление в изобразительном искусстве, архитектуре и фотографии первой половины XX века. Для него характерны строгость и лаконичность форм. Этимологическое значение слова «конструктивизм» происходит от латинского constructio — построение, структура

[20]. Остановимся подробнее на конкретных примерах построек, рассмотрев их с различных позиций.

В Екатеринбурге можно увидеть известную лестницу бывшего Клуба НКВД имени Ф. Дзержинского (1931 г.) архитекторов А. Антонова, В. Соколова, А. Тумбасова, который находится в ансамбле Городка чекистов (*прил., рис.1*). На сегодняшний день в этом здании располагается Свердловский краеведческий музей. Как пишет Э. Кубенский, создатель проекта «Еконструктивизм» (данный термин введен для обозначения особого статуса архитектуры Екатеринбурга эпохи авангарда): «Поднимаясь по ее спирали до самого верха, вы совершаете путешествие в прошлое, оказываясь под перекрестием балок в форме пятиконечной звезды. Спускаясь вниз, вы попадаете в будущее, некоторое время назад бывшее для вас настоящим» [15]. Действительно, спиралевидная лестница показывает непрерывность, постоянную длительность (спираль – символ бесконечного движения и изменения). Можно говорить о том, что конструктивистские мотивы в данном сооружении – это модель взаимосвязи Времени и Вечности. Время создает Вечность как залог своей связи с реальностью; такая вечность помнит о своей иллюзорности, периодически выбрасывая человека на поверхность сна в мир Времени. Время и Вечность нуждаются друг в друге, они взаимопорождены, их связь — это пульсация сна и бодрствования, реальности и сновидческих иллюзий [2]. Смотри вверх спиралевидной конструкции, человек как бы ненадолго погружается в ощущение безвременья, преодолевая давящую сиюминутность, давящее «сейчас». В. Маяковский пишет, что у города нет «сейчас» - это применимо ко всем произведениям конструктивистов. Вечность – это фантазм, и такая архитектура, как лестница А. Антонова, В. Соколова, А. Тумбасова дает возможность в этот фантазм погрузиться.

Согласно Э. Кубенскому, архитекторы Городка чекистов при создании плана жилого комплекса, по легенде, вдохновлялись основными символами герба СССР, где серп нашёл своё воплощение в плане гостиницы «Исеть» (*прил., рис.2*), молот - в плане Клуба НКВД имени Ф.Э. Дзержинского, а колосья - в планах жилых корпусов, развёрнутых на 10 градусов относительно красной линии застройки наподобие колосьев, окутывающих земной шар [15]. Роль зёрен в колосьях взяли на себя равномерно распределённые по фасадам эркеры. В этом – отражение временного периода, отражение эпохи, нагляднейшая демонстрация того, как конструктивисты предлагали разные и интересные концепции как самих построек, так и способов организации жизни людей новой страны.

Московский конструктивизм может быть представлен зданием универмага Мосторга на Красной Пресне (1928 г.), архитекторами которого являлись братья Александр, Виктор и Леонид Веснины (*прил., рис.3*). Сооружение вписано в участок трапециевидной формы, зажато соседними домами по углам. Главный фасад универмага, выходящий

на угол площади, представляет собой масштабный застекленный экран-витрину, который занимает практически всю плоскость фасадной стены. Возможно, данную конструкцию можно интерпретировать следующим образом: в условиях механизации человека (как культурное существо) зажимают «природные» рамки, природное начало, но, тем не менее, будучи по своей сути амбивалентным, человек пытается (сознательно или бессознательно) сохранить культуру, остаться открытым, остаться длительным, прозрачным для себя и других, подобно экрану-витрине универмага. Можно предположить, что, если данное сооружение было бы построено в настоящее время, экран стеклянный был бы заменен экраном цифровым, но стены соседних домов все также сжимали бы, давили на главное здание. Сама ткань цифровой реальности, образованная атомизированными индивидами, (превратившихся из методологической метафоры в реальный факт), становится залогом прозрачности, устранения приватности и превращения человека в элемент цифрового паноптикума [4]. Вероятно, конструктивисты своими архитектурными приемами, своей своеобразной эстетизацией пытались передать нечто похожее, но отвечающее своей эпохе. Кроме этого, стоит обратить внимание на постройку Дом культуры имени Зуева (или Клуб профсоюзов коммунальщиков имени Зуева) (1929 г.) архитектора Ильи Голосова (*прил., рис.4*). Сооружение представляет собой здание из ассиметрично расположенных геометрических тел, построенное под влиянием кубизма. В книге «10 рабочих клубов Москвы» 1932 года так написано об этой постройке: «В секторе чисто клубных помещений введены полуэтажи путем смещения горизонталей их пола сравнительно с зрительным залом. При этом внутренность здания и его отдельных помещений в общем нигде не производит впечатления скучности и стесненности, они широко и органически развернуты» [21]. Цилиндрические, призматические формы, вмонтированные, как кажется, в очень узкое пространство, позволяют не видеть этой узости, сдавленности. Здание визуально скорее расширяет пространство, нежели сужает. Здесь можно рассуждать о специфическом расширении человеческих границ: конструктивизм, расширяя (и расширяя) пространство, расширяет и видение человека относительно архитектуры в целом.

Одним из идеологов конструктивизма был выдающийся архитектор Моисей Гинзбург, одна из построек которого (совместно с Игнатием Милинисом и инженером Сергеем Прохоровым) дом Наркомфина в Москве (1930 г.) (*прил., рис.5*). Сам Гинзбург определял сооружение как «опытный дом переходного типа». В некоторых источниках зачастую описывают постройку как утопическую («проект дома Наркомфина — продукт утопических мечтаний молодого Советского государства») [11]. Данная конструкция – это эксперимент, это поиск нового, это открытость изобретениям, новый быт человека, образ новой жизни. При постройке и проектировании здания использовались условные обозначения квартир (двухъярусные квартиры типа

К для больших семей, ячейки типа F для повседневной социализированной жизни, ячейки 2F для квартир большого размера (К и 2F – «буржуазный тип»)), что показывает размытие границ публичного и частного, (так характерное для эпохи модерна – акцентировалось внимание на разделении жилого пространства на отдельные комнаты).

В Ленинграде конструктивизм можно разобрать на примере Клуба завода «Красный путиловец» им. Ильича (*прил., рис. 6*). Здание клуба перестроили в 1925 году из бывшей церкви святителя Николая Чудотворца и св. мученицы царицы Александры при Путиловском заводе, архитектором выступал Александр Никольский. «Купол церкви сменила стеклянная треугольная призма-фонарь, предназначенная для кинобудки, что сразу придало зданию футуристический конструктивистский облик, будка являлась главным украшением фасада, ее дополнял гофрированный фриз из оцинкованного железа, эмблемы серпа и молота и надпись с названием клуба во всю высоту стены» [19]. Можно предположить, что призма-фонарь – своеобразный символ контроля. Подконтрольным становится сознание человека, власть тотальна и ее инструменты становятся неочевидными, скрытыми, механизмы надзора функционируют в любой момент жизни индивида – то есть под контролем находится все: действия, перемещения, победы и провалы, и все это становится частью государственной системы. В то же время фонарь – это свет, проблеск возможностей, стремлений. В этих архитектурных конструкциях фиксируется образ жизни людей советского времени, их мировоззрение. И, опять же, данные мысли вполне естественно накладываются на современную ситуацию – на преобразование общества в «прозрачное» (Дж. Ваттимо), на появление цифрового «паноптикума».

Хочется, помимо прочего, обратить внимание на таких конструктивистов как Владимир Татлин и Александр Родченко. Весь архитектурный потенциал динамических форм, присущих конструктивизму, можно увидеть в неповторимом арт-объекте, который называют башней Татлина (*прил., рис. 7*). Башня, изобретенная Татлиным, имеет наклон, а также как бы «нанизанные» на наклонную балку конструкты. Архитектурный объект дает возможность взглянуть на время как на движение, он сам олицетворяет время-движение. В данном контексте стоит вспомнить два понятия, введенных французским мыслителем Жилем Делезом: образ-время и образ-движение. Образ-движение – это «сложное перцептивное образование, представляющее в сознании зрителя не набор статичных картин, а сам процесс изменения (становления) образов пространства, времени, в конечном счете – смысла» [9]. Образ-время, согласно Делезу, иной способ мыслить время, исходя из хаотической системы образов, не имеющей центра; в этом случае зритель «прикасается» к времени, но не создает себе о нем никакого систематического представления, которое бы подменило собой воспринимаемое время [9]. Можно предположить, что образ, воплощенный

в Башне – это сочетание двух этих образов, это нечто, что можно назвать «метрономом, отсчитывающим события» [10]. По нашему мнению, Башню Татлина можно сравнить с борхесовским Алефом – небольшим пространством, в котором парадоксальным образом уместаются все точки Вселенной [6]. Работы Александра Родченко также транслируют конструктивистскую эстетику и позволяют прикоснуться к пространственно-временным отношениям – но уже, по большей части, на плоскости, при помощи живописи. Так, например, «Линейно-циркулярная композиция» (1915 г.) (*прил., рис. 8*) позволяет ощутить эффект, схожий с эффектом от прохождения по екатеринбургской лестнице архитекторов А. Антонова, В. Соколова, А. Тумбасова, иными словами – мы наблюдаем соприкосновение времени и вечности. Позднее эта идея была выражена Родченко в 1920 году в шарообразной «Пространственной конструкции № 12» (*прил., рис. 9*). Визуально тяжелая и в то же время «парящая» конструкция позволяет уловить динамичность, движение (силу архитектурной динамики). Статичная сердцевина конструкции и элементы свободного вращения в творении художника, вероятно, можно рассматривать как некое упорядочение хаоса.

Архитектурных и художественных воплощений конструктивизма множество – все они передают динамику, все они несут в себе смыслы, порой скрытые от наблюдателя, и задача последнего – эти смыслы декодировать.

Конструктивизм как способ воплощения сознания

*«Сознание – лишь авангард нашего психического существования. А за ним, за авангардом сознания – длинный хвост колебаний, слабостей, комплексов и предрассудков» [24],
Карл Юнг*

*«Каждая данная вещь, созданная современным художником, должна войти в жизнь как активная сила, организующая сознание человека...» [22],
Александр Веснин*

Конструктивизм как искусство, задавшее вектор Новому видению, может рассматриваться как единство природы и мышления, зафиксированное в определенном иерархическом и синхронизированном пространстве. Моисей Гинзбург и братья Веснины видели (наряду с другими конструктивистами) важность архитектуры в жизни человека, главенство функциональной значимости конструкции над декоративными, стилистически эстетическими элементами. «Непрерывная механизация жизни», как писал Гинзбург, влечёт за собой развитие новых стилей в искусстве [20]. Перекладывая эти слова на современные условия развития социума, отмечая уровень прогрессирования цифровых технологий на сегодняшний день, можно полагать: непрерывная информатизация (цифровизация) жизни также ведёт за собой появление целой пле-

яды новых стилей в искусстве. Искусство развивается в соответствии с эпохой, становится «Новым элементом быта, психологии, эстетики» [22]. Тем не менее, именно конструктивизм - не есть стиль, а скорее есть метод в искусстве (продолжая рассуждения в данном ключе, можно допустить, что конструктивизм предвосхитил появление деконструкции как новой мировоззренческой установки, а в последствии развитие деконструктивизма как архитектурного течения). Концепция конструктивного пространства, переданная русскими архитекторами 20-х — 30-х годов XX века, отчётливо указывает на необходимость согласования форм и функций.

Конструктивистская логика — это своеобразная логика структурирования сознания, попытка в условиях текучести, шаткости, неустойчивости собрать нечто целостное (собрать своё разрозненное Я, выразив его в действительно существующем объекте - например, здании (реально собрать целостность - процесс, видящийся невозможным). Такое упорядочение жизни - и есть новый способ (метод) существования, преодолевающий Хаос. Можно предположить, что соблюдение концептуальной целостности — это, хоть и иллюзорная, но все-таки устойчивость бытийной платформы, на которой человеку приходится балансировать в течение жизни. Как путь к конструктивным решениям порой проходит в обход - через идеальные, классические конструкции, так и жизненный путь зачастую следует обходными, извилистыми путями, через преодоления (трансгрессивные переходы), через присвоения и переприсвоения Я. В условиях цифровизации изменяется сущность человеческой самости, из личности индивид превращается в пользователя, создавая дублируя цифровых двойников, оставляя цифровых фантомов. Ориентация конструктивизма на абстрактные объекты с последующим приведением их к структуре, к иерархии - то, что могло бы стать в современных реалиях тем, что «собрало бы» утерянное, двойственное Я в целостность. Причём, опираясь на принципы конструктивизма, стоит отметить, что ценен не результат (не целостность, так как она, как уже упоминалось, мнимая и недостижимая), ценны доказательства (иными словами, сам путь, само преодоление, достижение, сами, возможно, экзотические переживания с целью достигнуть полноты бытия). Познание и конструирование - понятия неразрывно связанные, И. Кант отмечал серьёзную необходимость конструктивистского подхода к познанию (конструктивизм Канта часто сравнивают с коперниканским переворотом). «Наше конструирование познавательных объектов, указывает Кант, находится за пределами возможного человеческого понимания» [13]. Так, возможно, архитектурный конструктивизм (конструирование архитектурных объектов) — это попытка, воплощая мысль в конструкцию, заглянуть за пределы понимания мира?

Стоит сказать, что конструктивизм, выраженный в архитектуре — это, можно полгать, разум, заключённый в форму. Если конструкции, не относимые к направлению конструктивизма, «подстраиваются» под человека, выражают человеческую

природу (именно природу) (как пример - здание театра всегда утончённое, витиеватое, эстетически классическое, здание жилого многоквартирного дома - пропорциональные, ровное, рассчитанное по строгим параметрам), то архитектура конструктивизма зачастую апропорциональна, она воплощает надмирный модус человеческого существования, человек как существо не природное, а культурное (надприродное). Таким образом, это конструирование сознания, но сознания особого порядка - сознания человека культурного, вложенное в архитектурное творение. Но необходимо понимать, что вопрос: «Действительно ли культура является чем-то свехприродным (надприродным), и такой ли выраженный конфликт между природой и культурой?» открыт, как и любая дилемма, и в данном ключе конструктивистская архитектура - нечто, способное приблизиться к разрешению дилеммы. Любая архитектура выражает природную сторону человека, конструктивизм - культурную, выраженную в определённой, своеобразным способом упорядоченной структуре. Конструктивистские мотивы — это мотивы организации своего сознания в форме форм, это, перефразируя слова Карла Юнга, выражение нашего психического существования (конструктивизм — это как бы «концентрированное» сознание человека культуры, маскировка человеческих слабостей и того самого «хвоста колебаний» [24]).

Можно также рассуждать о том, что конструктивизм с его открытыми, «говорящими», «живыми» составными частями (стеклянные экраны-витрины, винтовые лестницы, угловатые здания) — это идейное течение, предпринимающее попытку посредством конструкций «вживить» в архитектуру элемент Игры (подтверждая тем самым идею Й. Хейзинги о том, что культура «возникает и развивается в игре» [23]), элемент, который позволяет ускользнуть от реальности с присущей ей псевдокарнализацией, псевдотрансгрессией (Ю. Кристева [14]). Стоит остановиться подробнее на понятиях «игра», «запрет», «трансгрессия», «карнализация», чтобы затем сквозь них рассмотреть феномен конструктивизма. Запреты разного рода существовали всегда, и возникали ситуации, при которых их нарушения неизбежны (речь идет скорее о табуированных темах, о табу, которые накладываются социумом, например, на сексуальность и смерть), они заложены (и такими воспринимаются) в самом запрете, то есть они имманентны ему. В данном ключе трансгрессивный акт («преодоление непреодолимого предела», пре-ступление табу) имеет природное основание из смерти и полового инстинкта, но не может быть сведен только к ним, это не «возврат к природе», а снятие запрета без его уничтожения [5]. В этом ключе раскроем понятие праздника, описанное другом и соратником французского мыслителя Жоржа Батая Р. Кайуа, — это обязательное, ритуальное нарушение повседневно действующих запретов [12]. В этом ключе вспомним еще одно понятие, понятие карнавала, раскрытое М. Бахтиным: «Карнавал отменяет официальную жизнь с ее четко определенными строгими

формами, в своей внутренней временной логике праздник имманентно устремлен в свободное будущее. Эта устремленность проявляется в раскрытии замкнутых смысловых и ценностных единств: они перестают довлеть, релятивизируются [1]». Эта черта отражается и в социально-политических интерпретациях карнавала. Например, в книге «Трансгрессия» социолога К. Дженкса карнавал понимается как практики освобождения и раскрепощения, как структуры либерализации мышления и действия. Стоит отметить, что Бахтин рассматривает понятие карнавала в самом широком смысле, можно говорить о карнавализации – механизме, задающем динамику и ритмику культуры [5;14]. Напрямую с проблематикой трансгрессии данные понятия связывает Ю. Кристева («Эта «трансгрессия» языкового (логического, социального) кода в карнавале оказывается возможной и действенной исключительно потому, что она задает себе другой закон. [14]»), противопоставляя трансгрессию псевдотрансгрессии и описывая карнавализацию как «жесткий разрыв с прежней нормой и преодоление закона». Это схоже с пониманием праздника Р. Кайуа, с нарушением запретов, то есть с трансгрессивным поведением, антропологическое описание которого в своих исследованиях заимствовал Ж. Батай. Возможно, конструктивизм с его сломом привычных форм, это, выражаясь словами А. Веснина, «активная сила, организующая сознание человека» [22], прорыв за пределы хаотизации жизни, своеобразный трансгрессивный переход. Иными словами, это некоторый элемент игры в мире, где все стало иллюзорным, ненастоящим (мир симулякров): псевдотрансгрессия вместо трансгрессии, псевдокарнавал вместо карнавала с его амбивалентным смехом. В современной культуре, которую принято называть метамодернизмом, где «колебания», шаткость стали еще более естественными, где бесконечная ирония (пост-, метаирония) и «новая искренность» поглощают все, конструктивизм, появившись он в настоящий момент, стал бы чем-то «не-осимулякранным», чем-то чистым. Игра как бесконечное откладывание и ускользание, ускользание от псевдореальности – так, на наш взгляд, можно определить феномен конструктивизма.

Конструктивизм как механизм защиты целостности Я

*«Согласно закону возмещения, постулату о неустойчивости равновесия и принципу разнородности недостаток чего-либо даёт в конечном итоге новую систему отношений» [7],
Сальвадор Дали*

Следуя мысли Сальвадора Дали, принцип разнородности (который присущ конструктивизму), может в результате открыть новую систему отношений. Можно полагать, через конструкции представляется возможным открытие некоего относительно устойчивого, воплощенного в архитектуре и искусстве, способа постижения мира, нового существования, новой целостности. Представления о жизни как о текучей действительности выражаются в осмыслении ускользания бытия, в невозможности

«захватить» его, «уловить» во всей полноте. Именно в процессе исследований проблемы принципиальной неполноты любого единичного (специфического) бытия происходит поиск основания, которое объединяло бы все «способы бытия», и в качестве такого основания мыслится стремление к чистой экзистенции (и это стремление к полноте бытия носит несубстанциональный характер [25]). «При потере субъектом связи с субстанцией начинается действие расширения собственных границ, что выражается в форме приспособления, которое было охарактеризовано в ницшеанской философии как способ бытия всего живого (в процессе проработки понятия «воли к власти» - постоянного стремления к самопревосхождению, к преодолению определенных препятствий). В контексте концепции приспособления стоит обратить внимание, что в рамках лейбницевской философии идея взаимной приспособленности всего сущего всестороннее рассматривается впервые, и объясняется пред-установленной гармонией. В процессе развертывания монадологической концепции Лейбниц также осмысливает взаимную относительность субъектов, их точек зрения в бытии, что дает основу для современного топологического понимания бытия [3]». Конструктивизм, основываясь на принципе монизма как единства природы и мышления, объединённых в понятии Универсума, может выступать как «расширение собственных границ», как обретение устойчивости в шатких реалиях, как сохранение опор разумности. Опора на единство природы и мышления дала возможность самому термину «конструктивизм» более развернутое значение. Масштабная переориентация научного мировоззрения в конце XX в., связанная с развитием учения о ноосфере, дала толчок развитию принципа глобального эволюционизма, являющегося, можно сказать, основополагающей *конструкцией*, при помощи которой человек включается в эволюцию мирового процесса, происходит переоценка научных идеалов и ценностей. Становление ноосферы постулирует переход к всеобъемлющему вовлечению природы в научно-техническую деятельность человека, появляется феномен трансгуманизма, в ключе которого и стал рассматриваться конструктивизм – уже не как только лишь течение в искусстве. Такой конструктивизм можно определить как «рациональное и культурное движение, утверждающее возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью достижений разума, особенно с использованием технологий, чтобы ликвидировать старение и значительно усилить умственные, физические и психологические возможности человека» [8]. Среди предполагаемых возможностей трансгуманизма можно отметить перемещение сознания человека в виртуальный мир, перевод человеческого мозга в технику (например, компьютер): возвращаясь к описаниям, предложенным в предыдущем параграфе, можно предположить, что архитектурный конструктивизм, который можно представить как особый способ воплощения сознания, схож с трансгуманистическими тенденциями

перехода человека в иной (виртуальный?) модус бытия. Возможно, что современный конструктивизм, распространившийся за пределы искусства и охвативший все области человеческой жизни – это мост между постоянно распадающимся, дробящимся Я и некоторой цельностью (в контексте трансгуманизма (так как «компьютеризированное сознание» не представляется двойственным, распадающимся)).

Заключение

Идеи конструктивизма, нашедшие реализацию в искусстве, распространились повсеместно, вовлекаясь в самые разные отрасли науки и культуры. Сам термин «конструктивизм», получивший распространение в 20-е года XX века, стал применимым в философии науки, в экологии, социологии, психологии, педагогике и ряде других наук. Наиболее важной нам кажется именно эпистемологическая рецепция конструктивизма (появляется конструктивизм эпистемологический), возникшая под влиянием постмодернистских стратегий. Представители постмодернизма исходят из того, что «социальная реальность является лишь продуктом ауто-поэтического сознания познающего субъекта, при этом возможность получения объективно истинного знания отрицается» [17]. В современном социально-гуманитарном познании конструктивизм — это направление в эпистемологии, противостоящее реализму и объективизму, в котором можно выделить два течения: радикальный конструктивизм и конструктивный реализм [16]. Так, например, течение радикального конструктивизма предлагает рассматривать социально-гуманитарное познание не только как диалог культур, а как интеллектуальную игру, ведущуюся в культуре с помощью средств самой культуры, что, на наш взгляд, наиболее близко описывает идейную составляющую конструктивизма архитектурного. Конструктивную природу

человеческого знания во многом разделяют представители конструктивизма в психологии (появление конструктивной психологии), педагогике (когнитивный конструктивизм Жана Пиаже, социальный конструктивизм Льва Выготского) и философии образования (Джо Л. Кинчело с его идеями о социальной «сконструированности» знания и им же постулированное конструирование новых способов бытия человека (критическая онтология) как характеристика критического конструктивизма). Кроме прочего, интересен экологический конструктивизм, близкий к эколингвистике (на сегодняшний день данная проблематика достаточно актуальна в связи с тенденцией к экологизации человеческой жизни, появляется все больше отраслей наук экологической направленности: экопсихология, экопедагогика, экомедицина), целью которого является обратить внимание людей на необходимость осознания глобальных экологических изменений, происходящих не только в природе, но и в обществе – через эмотивный компонент (экология эмоций).

Стоит отметить, что появление такого направления, как конструктивизм, повлияло на развитие искусства, науки и культуры глобально. Советский конструктивизм находит отражение во всех векторах культурной эволюции, и особенно хотелось бы подчеркнуть его важность в рамках философской рефлексии. Несмотря на то, что философские истоки конструктивизма (как проблематики философской методологии) коренятся в основном в классическом рационализме Нового Времени, сущность заложенных в архитектурные сооружения идей перекликается с проблемами метафизического, языкового и в целом постмодернистского толка в значительно большей степени, чем может показаться на первый взгляд.

Приложение

Рисунок 1. Лестница бывшего Клуба НКВД имени Ф. Дзержинского (1931 г.), арх. А. Антонов, В. Соколов, А. Тумбасов

Рисунок 2. Гостиница «Исеть» в городке Чекистов (1929-1936 гг.), арх. А. Антонов, В. Соколов, А. Тумбасов

Рисунок 3. Универмаг «Мосторг» на Красной Пресне (1928 г.), арх. Братья Веснины

Рисунок 4. Дом культуры имени Зуева (1929 г.), арх. Илья Голосов

Рисунок 5. Дом Наркомфина в Москве (1930 г.), арх. М. Гинзбург

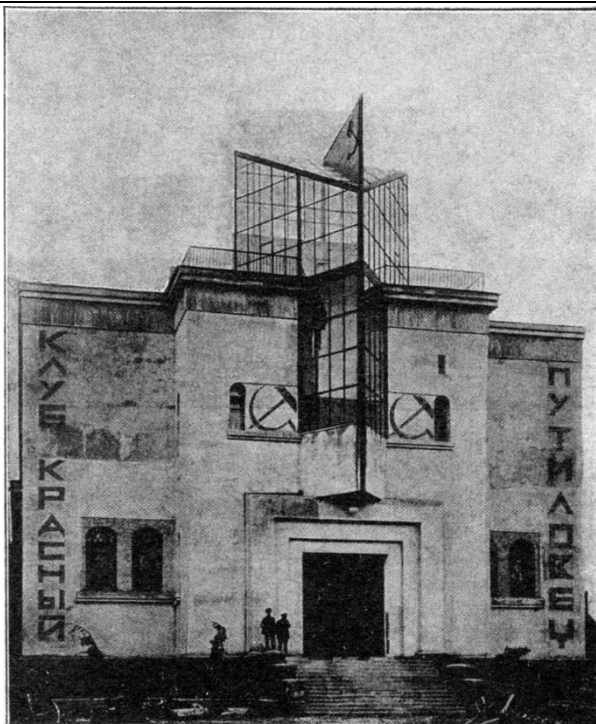

Рисунок 6. Клуб завода «Красный путиловец» (1925 г.), арх. А. Никольский

Рисунок 7. Памятник III Коммунистического интернационала (Башня Татлина) (1920 г.), В. Татлин

Рисунок 8. А. Родченко. Линейно-циркулярная композиция (1915 г.)

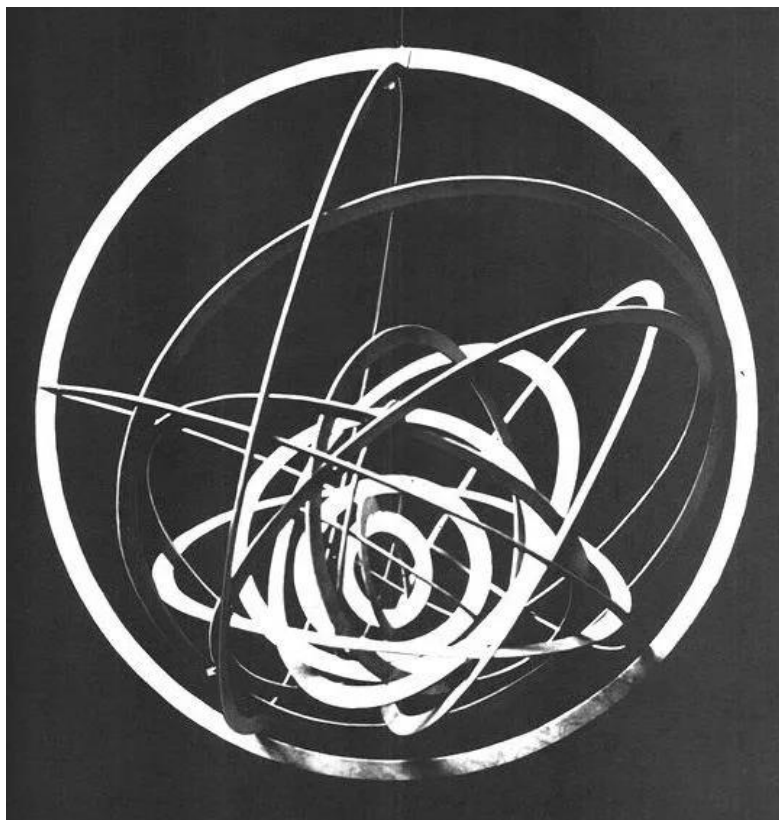

Рисунок 9. А. Родченко. Пространственная конструкция № 12 (1920 г.)

Список литературы

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса // Собрание сочинений. В 7 т. Т. 6 / под ред. С. Г. Бочарова, Л. С. Мелиховой. — М.: Русские словари, 2002. — С. 5–297.
2. Большакова А. С. Время и Вечность // Наукосфера. 2021. № 10 (1). - С. 111–116.
3. Большакова А. С. Осмысление концепта Я-другой в контексте построения новой длительности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 1А. С. 209-221.
4. Большакова А. С. Цифровая прозрачность как субстрат современного "паноптикума" // Научные исследования и инновации. Материалы XIII Международной научно-практической конференции: сборник статей, [электронное издание сетевого распространения] / Под ред. Н.В.Емельянова. — М.: "КДУ", "Добросвет", 2021. — С. 80–90.
5. Большакова А.С. ТРАНСГРЕССИЯ // The Scientific Heritage. 2021. №75-3. - С. 49 - 54.
6. Борхес Х.-Л. Алеф. — М.: АСТ, 2014. — 224 с.
7. Дали С. Сокрытые лица. — М.: ЭКСМО, 2014. — 512 с.
8. Даниелян Н.В. Роль трансгуманизма и конструктивизма философии транс-науки // Российский гуманитарный журнал. 2014. Т. 3, № 1. С. 575–587
9. Делез Ж. Кино. - М.: Издательство «Ад Маргинем», 2004. — 682 с.
10. Димаков Д., Лапшина Е. Строительство Башни Времени: Часы Человечества // Quaderni Fiorentini. N2, Ле Читта дель Эст. Флоренция, 2005 г. // www.bancadellacultura.it/static/gfl.htm
11. Казузь И. А. Дом Наркомфина — манифест образа жизни человека советской эпохи = The Narkomfin Building: — М.: Департамент культурного наследия города Москвы, 2020. — С. 21.
12. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. — М.: ОГИ, 2003. — 296 с.
13. Кант И. - Критика чистого разума. - М.: Наука, 1999. - 655 с.
14. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / пер. с фр. Г. К. Косикова // Михаил Бахтин: Pro et Contra. В 2 т. Т. 2 / под ред. К. Г. Исупова. — СПб.: РХГИ, 2001. — С. 205–236.
15. Кубенский Э. Человек и архитектура. Еконструктивизм. URL:<https://archi.ru/russia/58762/eduard-kubenskii-chelovek-i-est-glavnaya-identichnost-arkhitektury>
16. Лекторский В.А. Кант, радикальный конструктивизм и конструктивный реализм в эпистемологии // Вопросы философии. 2005. № 8.
17. Лубский А. В. Гуманизация и конструктивизм в социальнoгуманитарных науках // Гуманитарий Юга России. 2012. №3.
18. Маяковский В. В. Собрание сочинений в двенадцати томах. Том 3. — М.: Правда, 1978 - С. 414.
19. Оль Г. А. Александр Никольский (серия «Зодчие нашего города»). — Л.: Лениздат, 1980. — 256 с.
20. Первушина Е. В. Ленинградская утопия. Авангард в архитектуре Северной столицы. - М.: Архитектура-С, 2007. — 177 с.
21. Филиппов А. В. Клуб имени Зуева / под ред. В. С. Кеменова. — 10 рабочих клубов Москвы. — Москва: ИЗОГИЗ, 1932. — С. 35—44. — 108 с.
22. Хан-Магомедов С. О. Александр Веснин и конструктивизм. — М.: Архитектура-С, 2007. — 412 с.
23. Хёйзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, 1992. — 458 с.
24. Юнг К. Г. Структура и динамика психического / Пер. с англ. М.: «Когито-Центр», 2016. - 480 с.
25. Ясперс К. Философия. Книга третья. Метафизика. Москва, 2012. — 296 с.